

Глава III. Учение Годвина

1. Общие замечания

1. Вильям Годвин родился в 1756 году в Висбиче, в Кембридже. Начиная с 1773 года он изучал теологию в Гокстоне. В 1778 году он был проповедником в Уайре, в Гертфорде, в 1780 году в Стовмаркете, в Суффолке. В 1782 году он оставил эту должность, после чего занимался литературным трудом в Лондоне, где и умер в 1836 году.

Годвин напечатал множество сочинений в области философии, политической экономии, истории, а также рассказов, трагедий и сочинений, написанных им в молодости.

2. Учение Годвина о праве, государстве и собственности прекрасно изложено в его двухтомном труде: «An Enquiry concerning political justice and its influence on general virtue and Happiness» (1793).

«Печатание этого труда», как говорит сам Годвин, «было начато задолго до его окончания, и по мере его приближения к концу мысль автора становилась все яснее и глубже. Следствием этого явились некоторые противоречия. Уже при начале своего труда он выяснил себе, что всякое правительство неизбежно противодействует нашему совершенствованию, и чем далее подвигался он в своей работе, тем сильнее сознавал важность этого положения, и тем яснее становилось ему то, что должно случиться»²⁴. Здесь-то учение Годвина и получает ту исключительно развитую форму, в какой оно выступает во второй части сочинения.

3. Своему учению о праве, государстве и собственности Годвин не дает имени анархизма, но он не боится этого слова. «Анархия — это страшное зло, но деспотизм еще ужаснее. Там, где анархия убила сотни людей, деспотизм поглотил много миллионов жертв и этим самым лишь поддерживает невежество, порок и нищету; анархизм кратковременное зло, деспотизм почти бессмертен. Без сомнения, если народ отдает себя на волю всех бушующих страстей до той поры, когда зрелище их последствий не даст разуму новых сил для борьбы с ними, это будет для него ужасным лекарством; но как бы ни было ужасно это средство, оно все же оказывает самую действительную помощь»²⁵.

2. Основные положения

По мнению Годвина, нашим высшим законом является всеобщее благо.

Что такое всеобщее благо? «Сущность его находится в зависимости от сущности нашей души!»²⁶ «Оно неизменно; оно одинаково до тех пор, пока люди будут людьми»²⁷. «Этому благу способствует все то, что расширяет наше образование, поощряет нашу добродетель, внушает нам чувство собственной независимости и тщательно очищает от препятствий путь нашей деятельности»²⁸.

Всеобщее благо есть наш высший закон. «Долг есть не что иное, как способ, путь, которым одно существо может наилучшим образом быть употреблено для всеобщего блага»²⁹. «Справедливость охватывает собою все нравственные обязанности»; «раз она должна иметь какой-нибудь смысл, то справедливо, чтобы я по мере возможности содействовал делу общего блага»³⁰. «Добродетель есть стремление способствовать благу всех разумных существ; высота этой добродетели соответствует силе этого желания»³¹; «самым высшим совершенством этого чувства является такое состояние духа, когда совершенное другими добро делает нас такими же счастливыми, как если бы мы сами это сделали»³².

«Истинно мудрый человек» стремится только к всеобщему благу; его «не побуждают ни собственная польза, ни честолюбие, ни страсть к почестям или к славе; он не знает соревнования. Сравнение достигнутого им с тем, что достигнуто другими, не нарушает его покоя; его мучит лишь сравнение с тем, что должно было быть вообще достигнуто.

Он чувствует себя обязанным стремиться ко всеобщему благу; это благо есть его единственная цель, и если оно достигнуто другими, то он не чувствует себя разочарованным в своих надеждах, так как он всех считает сотрудниками, и никого соперником»³³.

3. Право

I. С точки зрения всеобщего блага Годвин отрицает всякое право вообще, а не только при особенных условиях пространства и времени.

«Право есть установление, обладающее самыми пагубными последствиями»³⁴. «Раз начали издавать законы, то нелегко положить этому конец. Человеческие поступки различны, и различны также их польза и вред. С появлением новых случаев закон всегда поэтому снова оказывается недостаточным; необходимо постоянно издавать новые законы.

Книга, в которую право вносит свои предписания, увеличивается, и мир слишком мал для всех сводов законов будущего»³⁵. «Из несметного количества правовых предписаний вытекает их сомнительность. Эти предписания даны для того, чтобы каждый простой человек знал, в каком он положении; но, несмотря на это, самые лучшие юристы бывают различного мнения об исходе какого-нибудь дела»³⁶.

«Ко всему этому надо еще прибавить пророческую природу права. Оно имеет своей задачей изображать поступки людей в будущем и уже заранее судить эти поступки»³⁷.

«Мы часто называем право мудростью наших отцов. Но это странная ошибка; оно скорее плод их страстей, боязни, ревности, жестокосердия и властолюбия. Не вынуждены ли мы беспрестанно изменять и преобразовывать эту так называемую мудрость наших отцов? Не должны ли мы, разоблачая их невежество и осуждая их нетерпимость, исправлять ее?»
«Люди не подлежат какому-либо законодательству в том виде, как его у нас принято понимать. Разум есть наш единственный законодатель, и его предписания неизменны и повсюду одни и те же»³⁸. «Люди могут только излагать и толковать право; но никакая сила на земле не обладает таким могуществом, чтобы уполномочить себя обратить в закон то, что до сих пор не сделала законом вечная справедливость»³⁹.

«Конечно, справедливо то, что мы несовершенны, невежественны, рабы внешнего блеска»⁴⁰. «Но каково бы ни было зло, вытекающее из человеческих страстей, введение постоянных законов не может служить истинным лекарством против этого зла»⁴¹. «Пока кто-либо находится в сетях повиновения и продолжает каждый свой шаг направлять по следу другого, его разум и его духовные силы еще дремлют. Что же могу я сделать для того, чтобы заставить его подняться со всею его силою? Я должен его учить самочувствию, должен научить никого не считать руководителем, выяснять себе свои принципы и давать себе отчет в своем поведении»⁴².

II. Всеобщее благо повелевает мне, чтобы в будущем оно само вместо права стало законом для всех людей.

«Если каждый шиллинг нашего имущества, каждый час нашего времени и каждая способность нашей души заранее получают свое определение⁴³ при помощи неизменных предписаний справедливости»⁴⁴, т.е. всеобщего блага⁴⁵, то никакое другое предписание не будет ими распоряжаться. «Истинное основоположение, которое должно будет заменить собой право, заключается в неограниченном господстве разума»⁴⁶.

«В ответ на это нельзя ссылаться на то, что наша мудрость ограничена; в настоящее время нет недостатка в людях, которые духовно так же высоко стоят, как и право. Но раз в действительности между нами существуют такие люди, мудрость которых несколько не уступает мудрости права, то вряд ли возможно доказать, что истины, которые они хотят сообщить нам, потому имеют меньшее значение, что они опираются только на силу их доводов»⁴⁷.

«Судебные решения, которые были бы приняты непосредственно после упразднения права, немногим, конечно, отличались бы от прежних. Они основывались бы на предрассудках и привычках. Но привычка постепенно теряла бы свою силу. Те, которым было бы доверено решение какого-нибудь вопроса, все чаще и чаще вспоминали бы о том, что все вещи подлежат их свободному усмотрению, и, таким образом, необходимо дошли бы до того, что подвергнули бы своей критике неоспариваемые до сих пор основные принципы. Чем сильнее они чувствовали бы важность своей задачи и полную свободу своего исследования, тем больше было бы их понимание. И наступило бы счастливое состояние вещей с его необозримыми последствиями; слепая вера была бы ниспровергнута, и настало бы светлое царство справедливости»⁴⁸.

4. Государство

I. Так как Годвин безусловно отрицает право, он должен неизбежно отрицать и государство; и он рассматривает его как правовое учреждение, которое противоречит всеобщему благу совершенно особенным образом.

Государство основывается частью на насилии, частью на божественном праве, частью же на договоре⁴⁹. Но «первое положение предполагает полнейшее отрицание вечной и абсолютной справедливости, так как оно оправдывает всякое правительство, которое достаточно сильно для проведения своих предписаний; оно кладет насильственный конец всякой государственной науке и, по-видимому, рекомендует людям спокойно преклоняться перед всяким злом и не ломать головы над усовершенствованиями. Второе положение двусмысленно. Оно или обозначает то же самое, что и первое, и считает всякую существующую силу безразлично установленной от Бога, или оно вообще не имеет никакого значения, пока не будет найден критерий, по которому можно будет отличить Богом установленное правительство от других»⁵⁰.

«Наконец третье положение имеет тот смысл, что каждый отдельный человек доверяет управление своей совестью и обсуждение своих поступков»⁵¹ другому. «Но мы не можем отречься от нашей нравственной самостоятельности; она наша собственность, которую мы не можем ни продать, ни подарить, и, следовательно, никакое правительство не может черпать свое насилие из первоначального договора»⁵².

«Каждое правительство соответствует в известной мере тому, что греки называли тиранией. Единственная разница состоит в том, что в странах с деспотическим правительством насилие производит однообразное давление на наш дух, в то время как в республиках наш дух подвижнее, и насилие скорее следует за течением общественного мнения»⁵³. «Государственные учреждения всегда в некоторой степени имеют своим результатом сокращение подвижности нашего духа и ограничение его прогресса»⁵⁴. «Мы не должны никогда забывать, что всякое правительство есть зло, что оно лишает нас собственного суждения и совести»⁵⁵.

II. Общественное благо требует замены государства дружественным общежитием всех людей единственно на основании их собственных законов.

1. Люди должны жить дружелюбно также и после уничтожения государства. «Необходимо проводить тщательное различие между обществом и государством. Вначале люди объединились для поддержки друг друга»⁵⁶; только позже, вследствие заблуждений и низости меньшинства, проникло в эти сожителства людей насилие. «Общество и государство отличаются друг от друга и имеют различное происхождение. Общество родилось в силу наших потребностей, государство же благодаря нашим недостаткам. Общество — во всяком случае, благо, государство — в лучшем случае, — неизбежное зло»⁵⁷.

Но что же должно в «обществе без правительства»⁵⁸ объединять людей? Во всяком случае, не обещание⁵⁹. Никакое обещание не может налагать на меня обязательство, так как если

то, чему я обязался, хорошо, то я должен исполнить свои обязательства и без обещания, к плохому же и обещание мое не может меня обязать⁶⁰. «Если я сделал ошибку, то это нисколько меня не обязывает стать виновником еще другой»⁶¹. «Положим, что я для какой-нибудь хорошей, заслуживающей уважения цели обещал большую сумму денег.

В промежутке времени между моим обещанием и исполнением является предо мной другая цель, более великая и благородная, и требует настоятельно моего содействия.

Которой я должен отдать преимущество? Той, которая его заслуживает. Мое обещание не может вводить никакого различия. Я должен руководиться важностью дела, а не внешней и чуждой точкой зрения. Важность же дела не может обуславливаться тем, что я связал себя чем-то»⁶².

В будущем связывать людей в общества должно будет «взаимное сознание общего благополучия»⁶³. Это благополучие соответствует в точности благу всех людей. «Если какой-нибудь народ отваживается выполнить свою задачу такого общего сознания, он делает шаг вперед, и этот шаг должен непременно улучшить характер каждого отдельного человека. То, что люди объединяются для торжества истины, служит прекрасным доказательством их добродетели.

И то, что каждый, каким великим он бы себе ни казался, должен подчиниться мнению общества, подтверждает, по крайней мере внешним образом, великое основное положение, что каждый должен жертвовать своим преимуществом для общественного блага»⁶⁴.

2. Общества должны быть малочисленны и по возможности меньше соприкасаться друг с другом.

Повсюду маленькие области будут самостоятельно управлять своей жизнью⁶⁵. «Союз людей, пока он повинуется заповедям разума, не может чувствовать потребности в увеличении своего размера»⁶⁶. «Все то зло, которое связано с государством как с таковым, чрезвычайно увеличивается, если власть распространяется на большое пространство, и, напротив того, ослабевает, если она ограничивается небольшим владением. Честолюбие, которое в первом случае страшно, как чума, не имеет такого значения во втором случае. Народные волнения могут, подобно волнам морским, на большой поверхности произвести ужаснейшие действия, но в тесных границах они так же безвредны, как волны самого маленького озера. Умеренность и дешевизна живут только в небольших кругах»⁶⁷.

«Желание увеличить нашу область, победить соседние государства или держать их в известных границах, хитростью или насилием возвыситься над ними, — все это основано на предрассудке и заблуждении. Сила не есть счастье. Безопасность и мир более желательны, чем имя, пред которым трепещут народы. Ведь люди братья. Мы объединяемся под какой-нибудь полосой неба, потому что этого требует наше внутреннее спокойствие или наша защита от поползновений нашего общего врага; соперничество же народов есть плод нашего воображения»⁶⁸.

Небольшие, самостоятельно управляемые области должны возможно меньше поддерживать связь одна с другой.

Общение отдельных людей между собой не может быть вполне живым и безграничным; для целых же обществ частое общение их друг с другом лишено всякой ценности, пока это не становится необходимым благодаря заблуждению или насилию. С этим рассуждением сразу исчезают главные объекты того таинственного и запутанного государственного искусства, которыми правительства до сих пор занимались. Офицеры сухопутные и морские, посланники, поверенные и все те хитрости, которые были изобретены для того, чтобы держать в страхе другие народы, чтобы проникать в их тайны, заключать союзы и контрсоюзы, — все это оказывается ненужным»⁶⁹.

3. Но как же должны быть выполняемы в будущих обществах те задачи, которые теперь выполняет государство? «Из этих задач государства только две имеют право на существование: во-первых, уничтожение той несправедливости, которая совершается внутри общества по отношению к отдельным членам общества»⁷⁰, во-вторых, решение споров между отдельными областями⁷¹ «и общая защита против внешних нападений»⁷².

«Из этих задач только первая может требовать от нас постоянного разрешения. А это мог бы вполне удовлетворительно сделать присяжный суд, который должен был бы выносить свое решение по поводу оскорблений, нанесенных членами общества, и разрешать их собственнические споры»⁷³. Суд же этот решал бы дела не по установленному правовому порядку, а на основании разума⁷⁴. «Преступник мог бы, конечно, легко ускользнуть из столь ограниченной области правосудия, и на первый взгляд могло бы поэтому казаться необходимым, чтобы и соседние области или судебные округа имели одинаковое правление или, невзирая на свою форму правления, были бы готовы по крайней мере объединиться для исключения или исправления преступника, поведение которого им всем в одинаковой степени вредит. Но для этой цели нет необходимости в объединении и еще менее в употреблении общего высшего насилия. Всеобщая справедливость и общая выгода связывают людей еще прочнее, чем письмо и печать»⁷⁵.

Со второй задачей нам придется сталкиваться лишь по временам. «Раздоры между отдельными областями, несмотря на все свое неразумие, могут все же произойти; для их успокоения потребовалось бы соглашение различных областей, благодаря которому сделалось бы ясным требование справедливости и которое в случае надобности принудило бы исполнять это требование»⁷⁶.

И нападение врагов также делает необходимым подобное соглашение, а постольку и уничтожение вышеупомянутых раздоров⁷⁷. Поэтому «должны созываться время от времени национальные собрания, т.е. собрания, назначение которых состояло бы в том, чтобы, с одной стороны, улаживать споры между отдельными областями, с другой же — принимать лучшие меры для защиты от внешнего врага»⁷⁸.

«Но пользоваться этими собраниями следует возможно ограниченнее»⁷⁹. Ибо, во-первых, на них дела решаются большинством голосов, «и когда все обстоит благополучно, решающее значение имеют глупейшие люди, а нередко и бесчестные соображения»⁸⁰. Во-вторых же, при решениях обыкновенно члены собраний не руководствуются единственно результатами своего размышления, а всякого рода внешними причинами⁸¹. В-третьих, эти члены бывают вынуждены растратить свои силы на мелочи, так как для них немислимо спокойно

подчиниться разумным доказательствам⁸². Поэтому прибегать к национальным собраниям следует «или только по чрезвычайным причинам, как, например, диктатура в Риме, или же они должны заседать периодически, положим, один день в году, с правом в известной мере увеличивать время своих заседаний. Преимущество, однако, на стороне экстренных собраний»⁸³.

Какой же властью обладали бы национальные собрания и присяжные суды? Человечество настоящим строем испорчено до того, что сначала необходимо было бы обнаружение приказов и в некоторой степени принуждение силой, позднее же для решения споров было бы достаточно одних предложений суда, а национальные собрания ограничились бы одним только призывом сотрудничать для общей пользы⁸⁴. «Когда же суды в конце концов перестали бы судить и ограничились бы только подачей совета, когда насилие постепенно исчезло бы и управлять стал бы только разум, не должны ли были бы мы тогда в один прекрасный день согласиться с тем, что суды и другие общественные учреждения сделались лишними? Разве один мудрый человек не мог бы иметь столько же убежденности, как двенадцать? Разве чья-нибудь способность вразумлять своих соседей не стала бы известной и без формального избрания его на такую должность? Разве и тогда еще необходимо было бы исправлять пороки и побеждать злую волю? Это самая желательная ступень человеческого прогресса. С каким восторгом широко развитый альтруист должен ждать того счастливого времени, когда исчезнет государство, эта грубая машина, бывшая единственной постоянной причиной человеческих пороков и влекущая за собой столько различных ошибок, которые могут быть устранены только с ее окончательным падением»⁸⁵.

5. Собственность

I. Благодаря своему безусловному отрицанию права Годвин должен неизбежно, без всяких оговорок, отрицать и собственность. Собственность, или, как он выражается, «существующая система собственности»⁸⁶, т. е. современное, осуществляемое правом распределение богатства, представляется ему даже таким правовым учреждением, которое подрывает благо общества совершенно особенным образом.

«Мудрость законодателей и народных представительств направляется на создание жалкой и бессмысленнейшей системы распределения собственности, которая одинаково оскорбляет и человеческую природу, и основные законы справедливости»⁸⁷.

Существующая система собственности распределяет богатство самым неравномерным и к тому же еще самым произвольным образом. «Согласно ей, один человек в силу своего происхождения имеет несметные богатства. Если кто-нибудь из нищего делается богачом, то все обыкновенно знают, что он обязан этой переменой своего положения не своей честности или полезности; самому прилежному и деятельному члену общества часто с трудом удается предохранить свою семью от голода»⁸⁸. «Если я получаю вознаграждение за свою работу, мне дают в сто раз больше пищи, чем я могу употребить, и в сто раз больше платья, чем я могу носить. Где здесь справедливость? Если я даже самый великий благодетель человеческого рода, то служит ли это основанием для того, чтоб мне давали то, в чем я не нуждаюсь, в то время как мой излишек мог бы быть весьма полезен тысячам

людей?»⁸⁹ Это неравномерное распределение богатств противоречит общему благу. Оно препятствует духовному прогрессу.

«Накопление собственности попирает ногами силу мысли, гасит искры гениальности и погружает громадную массу людей в грязные заботы. Богатого оно лишает благотворных и сильных побуждений к деятельности»⁹⁰; своим излишком он может «купить только блеск и зависть, только жалкое удовольствие вернуть бедному в виде милостыни то, на что ему разум дает неоспоримое право»⁹¹.

Неравномерное распределение богатства служит также препятствием к нравственному усовершенствованию. У богатого оно порождает честолюбие, тщеславие и хвастливость, у бедного же насилие, раболепие, хитрость и следом за ними зависть, озлобленность и мстительность⁹². «Богач представляет собой как бы единственный предмет всеобщего преклонения и почитания. Напрасны умеренность, чистота и прилежание, напрасны превосходные способности и пламеннейшее человеколюбие, раз ты живешь в плохой обстановке. Возможность обогащения и выставление его напоказ представляют собой общечеловеческую страсть.

«Насилие давно уступило бы место разуму и образованию, но накопление богатств укрепило его владычество»⁹³. «То обстоятельство, что один человек с излишком обладает тем, в чем нуждается другой, служит источником преступления»⁹⁴.

II. Всеобщее благо требует того, чтобы на место собственности стало распределение богатств, руководствующееся единственно требованиями общего блага.

Если Годвин называет собственностью ту часть имущества, которую получает каждый согласно этим требованиям распределения, то это следует понимать в переносном смысле; в настоящем же смысле слова собственностью может быть названо только такое богатство, которое досталось по праву.

Согласно повелению всеобщего блага, каждый человек должен иметь средства к хорошей жизни.

1. «Что же должно определять, кому из нас, мне или тебе, должен принадлежать предмет, полезный всему обществу? На это есть только один ответ: справедливость»⁹⁵.

«Законы различных стран распоряжаются собственностью чрезвычайно разнообразно, но только одно отношение к ней может более всего соответствовать разуму»⁹⁶.

Справедливость требует прежде всего того, чтобы каждый человек имел средства к жизни. «Наши животные потребности состоят, как это давно уже признано, в пище, одежде и жилище. Если справедливость имеет какой-нибудь смысл, то не может быть ничего несправедливее того, как недостаток в этих предметах у одного человека, в то время как у другого они имеются в изобилии. Но справедливость этим не ограничивается. Каждый человек имеет право не только на средства к жизни, но, пока еще есть запас общественного богатства, имеет право и на средства к хорошей жизни. Несправедливо, когда один человек работает до разрушения своего здоровья или своей жизни, в то время как другой в

излишестве наслаждается роскошной жизнью.

Несправедливо, когда один человек не имеет времени для развития своего духа, в то время как другой палец о палец не ударяет для общей пользы»⁹⁷.

2. Такое «состояние равенства в собственности»⁹⁸ в высшей степени способствовало бы всеобщему благу. При таком состоянии «работа должна бы была стать до того легким бременем, что сделалась бы полезным телесным упражнением и отдохновением»⁹⁹. «Каждый человек стал бы вести простой, но здоровый образ жизни. Каждый человек умеренным телесным упражнением стал бы поддерживать ясность духа; никто бы не страдал от усталости, все имели бы время для развития альтруистических побуждений души и своих способностей в стремлении к совершенству»¹⁰⁰.

«Как быстры и возвышенны были бы успехи нашего рассудка, если бы всем было открыто поле знания! Необходимо, конечно, признать, что духовное неравенство в некоторой степени осталось бы и дальше; но можно быть уверенным в том, что духовные способности людей того времени опередят далеко за собой все успехи предшествовавшего времени»¹⁰¹.

Также велик, как духовный прогресс, был бы и прогресс нравственный. Пороки, которые неразрывно связаны с существующей системой собственности, «должны были бы исчезнуть при таком общественном строе, в котором люди живут в достатке и в котором все в равной степени пользуются дарами природы. Для узкого себялюбия не было бы больше места, и так как никому не приходилось бы заботиться о своем незначительном имуществе и неутомимо работать для удовлетворения своих потребностей, то каждый мог бы всецело быть занятым мыслью о всеобщем благе. Никто не был бы врагом своего соседа, так как не было бы предметов раздора; и, таким образом, на троне восседало бы человеколюбие, следуя указаниям разума»¹⁰².

3. Но каким образом было бы возможно в отдельных случаях осуществить такое распределение богатств? «Как только право было бы уничтожено, люди стали бы поступать по справедливости. Положим, при таких обстоятельствах суду придется разбирать спор о наследстве. По старому законодательству пять наследников получили бы по равной части. В новом же обществе судьи исследуют нужды и положение каждого из наследников. Допустим, что первый наследник честный человек и имеет успех в жизни; он всеми уважаем и от увеличения своего состояния не получит никаких преимуществ и никаких наслаждений. Второй — несчастный человек, которого давит нужда и одолевают неудачи. Третий хотя и беден, но живет без забот, его добрая воля все же побуждает его добиваться положения, в котором он мог бы принести громадную пользу. Чтобы выгодней получить это положение, ему необходимо иметь такую часть, которая составляет $\frac{2}{5}$ наследства. Четвертая наследница — незамужняя женщина, у которой нельзя ожидать потомства; пятая, наконец, — оставшаяся без средств вдова, которая должна прокормить большую семью. Если этот спор из-за наследства был бы предоставлен неограниченному решению беспристрастных судей, то они непременно должны бы были поставить себе вопрос: что за справедливость находила свое осуществление при прежнем равном разделе наследства?»¹⁰³ И их ответ не может дать места никаким сомнениям.

6. Осуществление

Необходимое для всеобщего блага изменение существующего строя произойдет, по Годвину, таким образом, что те, которые познали истину, убедят других в необходимости этого изменения для всеобщего блага, и благодаря этому самому праву, государство и собственность исчезнут, и водворится новый общественный строй.

I. Единственно, необходимо убедить людей в том, что общественное благо требует изменения.

1. Всякий другой путь нужно оставить. «То оружие, которое с одинаковым расчетом на успех может быть употреблено обеими сторонами, с нашей точки зрения всегда будет казаться подозрительным. Поэтому мы должны с отвращением смотреть на всякое насилие. Вступая в область насильственной борьбы, мы оставляем надежную область правды и ставим решение в зависимость от случайного каприза. Фаланга нашего разума неуязвима; она подвигается вперед спокойным, надежным шагом, и ничто не может ей противостоять. Совсем иное дело, если мы оставляем наши разумные основания и обращаемся к мечам. Кто может в шуме и сумятице междоусобной войны предсказать, на чьей стороне будет успех? Мы должны поэтому осторожно проводить различие между обучением и подстрекательством народа. Мы не должны поощрять гнев, угрозы и страсти, а должны добиваться только трезвых рассуждений, ясной критики и непоколебимых решений»¹⁰⁴.

2. Речь идет о том, чтобы действовать на людей убеждением, и только тогда, когда это удастся, исчезнут насильственные действия. «По какой причине все слои общества, все люди одинаково смотрели на перевороты в Америке и Франции, в то время как восстание против Карла Первого разделило наш народ на две партии? Потому что последнее происходило в XVII веке, а первые в XVIII веке, когда философия уже установила некоторые истины государственных наук, и когда, под влиянием Сиднея и Локка, Монтескье и Руссо, часть людей, мыслящих и сильных духом, узнала, что насилие есть зло. Если бы эти перевороты совершились немного позднее, тогда ни одна капля гражданской крови не была бы пролита гражданской рукой, и ни в каком случае ни против людей, ни против имущества не было бы употреблено насилие»¹⁰⁵.

3. Средство для того, чтобы убедить возможно большее количество людей в необходимости переворота, состоит в «доказательстве и убеждении словом. Самое лучшее ручательство счастливого исхода заключается в свободном, не обусловленном ничем объяснении. Здесь справедливость всегда должна остаться победительницей. Следовательно, если мы хотим улучшить общественный строй человечества, мы должны стараться убеждать и словом, и пером. Эта деятельность не имеет границ, такой труд не терпит прекращения. Все средства следует употребить, и не столько для того, чтоб приковать внимание людей и склонить их на нашу сторону, сколько для того, чтобы удалить всякие преграды для нашего мышления и открыть для каждого человека храм науки и поле исследования»¹⁰⁶.

«Два основных принципа поэтому должен иметь в виду человек, которому дорого возрождение своего рода, а именно: признание важным прогрессом в деле открытия и на-

саждения истины, и прогресс в течение каждого часа, и необходимость долгого выжидания, покамест его учение получит законченные формы. При всей его осторожности возможно, что бурная толпа опередит спокойное и тихое движение разума; и тогда он не осудит переворота, который совершится на несколько лет раньше, чем этого требовала разумность. Однако, если он будет действовать с большою осторожностью, он может без сомнения предупредить преждевременную попытку совершить переворот и на значительное время сохранить общее спокойствие»¹⁰⁷.

«Но это не означает, как можно было бы предположить, что изменение существующего строя отдалено от нас на неизмеримое расстояние. Человеческие дела таковы, что крупные перевороты наступают внезапно, а великие открытия делаются неожиданно, как будто случайно. Если я развиваю ум молодого человека и стараюсь повлиять на дух старого, то долгое время будет казаться, будто бы я мало сделал, и плоды моей работы обнаружатся тогда, когда я их менее всего ожидаю. Посев добродетели может взойти и тогда, когда уже потеряна всякая надежда»¹⁰⁸.

«Если истинный друг человечества неутомимо проповедует истину и старается устранять все препятствия к ее торжеству, он со спокойной совестью может ожидать скорого и хорошего исхода»¹⁰⁹.

II. Когда все проникнется убеждением, что всеобщее благо требует изменения нашего строя, тогда право, государство и собственность исчезнут сами собой и дадут место новому строю. «Полнейший переворот, в котором существует необходимость, едва ли может быть рассматриваем как действие; он заключается во всеобщем просвещении. Люди начинают сознавать свое положение, и их цепи исчезают, как призраки. Когда пробьет решительный час, тогда нам не нужно будет обнажать меча и употреблять какие-либо усилия. Противники будут слишком слабы для того, чтобы противостоять общечеловеческому чувству»¹¹⁰.

Каким же образом может произойти изменение нашего положения?

1. «Когда во Франции национальный конвент начал свои действия, там было распространено в особенности то мнение, что ему следует лишь выработать проект устройства, который затем должен быть предложен на рассмотрение и утверждение округов, и только после их согласия он получил санкцию закона»¹¹¹.

«Этому мнению соответствует прежде всего требование, чтобы не только конституционные законы, но чтобы вообще все законы предварительно обсуждались округами. Но для того чтобы согласие округов не было только фиктивным, а действительным согласием, округам должна быть предоставлена неограниченная свобода при обсуждении предлагаемых законов. Понятно, что при таких условиях установление законов дело не кратковременное, так как некоторые округа могут не согласиться с какой-либо одной статьей закона; если ради них эта статья будет изменена, то может случиться, что закон именно благодаря этому станет менее удобным для других округов»¹¹².

«Таким образом, основной принцип соглашения округов хотя и благодетелен, но ведет лишь постепенно к уничтожению всякого правительства»¹¹³. В самом деле, «желательно, чтобы

важнейшие решения народных представительств были отданы на одобрение или неодобрение выборных округов, и именно на том же самом основании, на котором и решения округов одновременно должны быть обязательны только для тех отдельных лиц, которые согласились с этими решениями»¹¹⁴.

2. Эта система имела бы, во-первых, то следствие, что законодательство имело бы очень краткую форму. Скоро обнаружилось бы, что для обширного свода законов нельзя получить согласие большого числа округов; поэтому все законодательство состояло бы из одного устава, относительно разделения страны на округа с одинаковым населением, и из другого устава, относительно выборных периодов в национальное собрание; последний устав мог бы, впрочем, быть свободно отставлен¹¹⁵.

Вторым следствием такой системы было бы то, что вскоре было бы признано ненужным посылать на рассмотрение округов те законы, которые не имеют значения для всех, и что во многих случаях было бы, таким образом, предоставлено самим округам издавать для себя законы. «Таким образом, то, что раньше составляло одно государство с единым законодательством, превратится сразу в союз небольших общин, которые в экстренных случаях могут соединяться на конгрессе или амфикиционном совете»¹¹⁶.

Третье следствие состояло бы в постепенном уничтожении законодательства. «Многочисленное собрание, представители которого созываются из различных мест обширной области и которое фигурирует как единственная законодательная сила для всей этой области, создает себе тотчас же преувеличенное представление о количестве необходимых законов. Большой город под влиянием торгового соревнования недолго задумывается над тем, чтобы издать постановления и раздать привилегии. Жители же маленькой общины, которые живут до некоторой степени просто и естественно, дойдут до того, что признают ненужными законы, имеющие общее значение, свои же дела будут решать в зависимости от каждого отдельного случая, а не согласно раз навсегда установленным принципам»¹¹⁷.

Четвертое следствие заключалось бы в содействии уничтожению собственности. «Всякое уравнение в чине и положении в значительной степени содействует имущественному равенству»¹¹⁸. «Поэтому не только низшие, но и высшие слои общества увидели бы всю несправедливость существующего распределения собственности¹¹⁹. «Богатые и сильные не недоступны идее всеобщего блага, если только она представлена им со всей точностью и очаровательностью»¹²⁰.

Как бы много они ни думали о своих деньгах и удовольствиях, все же возможно сделать им понятным то, что они напрасно будут противодействовать истине, что опасно для них навлекать на себя гнев народа и что для них самое лучшее пойти по крайней мере на уступки¹²¹.